

Имя Михаила Небогатова хорошо известно в Кузбассе. Его поэзию любят за доходчивую простоту, душевность, мягкий лиризм. «Майский снег» — седьмая книга стихов поэта. В нее вошли новые стихи, написанные за последние годы.

КУЗБАСС
ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ДЛЯ ЛЮДЕЙ

Мы так зависим от людей!
Без них не ступишь ты и шагу.
Они дают душе твоей
Любовь, и радость, и отвагу.

Как ты душою ни богат,
Она завянет одиноко,
Когда с людьми нарушен лад,
Когда от них стоишь далеко.

В союзе с ними — ты велик.
Твои усилия не напрасны.
И коль чего-нибудь достиг,
То люди к этому причастны.

Живи, в работе молодежи,
Пусть силы новые придут,
Чтоб сделать что-то для людей.
Они-то, брат, в долгу не будут.

* * *

Большое уменье
Во многом ловлю,
В любом проявленьи
Его я люблю:
В заточке деталей
На умном станке,
Что вдруг засияли
В умелой руке.
И в пенье, и в пляске
Его узнаю —
Особые краски,
Живую струю!
В работе поэта —
Будь молод иль сед, —
Что строчки сонета
Сплетает в букет.
В игре музыканта,
Во всяком труде...
Явленье таланта —
Как чудо везде!

С бесстрастностью неба ночного
Я спорю тогда в тишине:
Дарю что-то людям я снова —
И звезды завидуют мне.

Я очень завидую звездам!
Всю ночь пламенеет звезда.
И я для горения создан,
Да только горю не всегда.

Бывают и дни и недели,
Что тихим застоєм грозят.
Как будто подводные мели
Движенье души тормозят.

Упрешься — и стронуться трудно,
Хоть отдыха ты не просил...
Меж тем неприметно, подспудно
Идет накопление сил.

Пусть руки безвольно повисли,
И вдруг ты на гребне уже:
Рождаются новые мысли
И чувства вскипают в душе!

Пускай судьба дает нередко сдачи,
Но, славя жизнь и за нее борясь,
Мы твердо верим в новые удачи,
Дерзаем, неудачи не боясь!

Я ПРИВЕЗ...

Посетив места родные,
Я подарков не привез —
Только сердцу дорогие
Шумы-шелесты берез,
Облаков седую пряжу,
Что, узоря синий мир,
Вдоль извилистого кряжа
Проплывают в Салаир.
Прихватил с собой на память
Говорок реки Бачат,
Тополей цветущих замать
Там, где парни ждут девчат,
Черный дым на мягких лапах
Над полоскою реки,
Разнотравья пряный запах,
Незабудок островки.
Не забыл я взять дороги,
О которые в жару
Обжигал босые ноги
Мальчуганом на чору...

Край любимый, большей дани
Я не ждал, к тебе спеша.
Небогато в чемодане,
Но зато полна душа.

БЕРЕГА

Утро — берег, откуда отчалим,
Вечер — берег, где кончится путь,
Где мы радостям нашим, печалям
Устояться дадим, отдохнуть.

Я хотел бы, свой плот направляя
По реке наступившего дня,
Чтоб погода была штормовая,
Чтоб кружила, мотала меня!

В этой вечно текущей дороге
Не нужна мне спокойная гладь.
Пусть людские заботы, тревоги
Не дают ни на миг задремать!

Пусть работают сердце и руки,
Забывая про отдых в пути,
Чтоб у тихой вечерней излуки
Мог спокойно на берег сойти.

...
Годов последних добрая примета:
На светофорах жизненных дорог,
Как первый цвет весеннего привета,
Горит для нас зеленый огонек.

А было время... Шли мы к той же цели.
Но робко шли, с оглядкой на того,
Чьей воли мы послушаться не смели —
Не смели шага сделать своего.

Нет, не забыть нам лет, крутых и жестких
Что принесли так много горьких бед.
Тогда на малых даже перекрестках
Грозил запретом злой кровавый свет...

НЕПОВТОРИМОСТЬ

Что все на свете зыбко, мимолетно,
Острее, больней я начал замечать.
С минувшим днем прощаюсь неохотно,
Его готов я заново начать...
Люблю ловить дыхание рассвета,
Шаги его — росой по траве.
Но вот уже ушло мгновенье это,
Растаяло в полдневной синеве.
Заходит друг, и в комнатном уюте
Звучат слова и светятся глаза.
А за окном в густой свинцовой мути.
Гремя, сверкая, буйствует гроза.
Но, как и утра легкое дыханье,
Опять остались в вечности, в былом
Беседа наша, молний полыханье,
Весь этот день — с добром своим и злом.
Потом заря вечерняя в полнеба
Меня далеко в поле позовет,
Чтоб я запомнил тихий шелест хлеба,
Звон ветерка и ласточек полет.

Когда же ночь накроет мглою зданья
И погрузится в сон и дом и двор,
Придут ко мне толпой воспоминанья
И заведут безмолвный разговор.
И целый мир проявится в них снова —
Кленовый лист, блестящее весло,
Улыбка чья-то, чей-то жест и слово,
И грусть о том, что все навек ушло..

ОГНИ

Уже, неверный свет гоня,
Крадется сумрак синеватый.
На грани вечера и дня
Темны оконные квадраты.
Белеет снег. А в небе мгла.
И кажется в минуту эту,
Что дом бездушен, как скала,
Что никакой в нем жизни нету.
Но, как улыбка, как привет,
Что на пути случайно встретим,
В одном окне зажегся свет,
В другом затеплился и в третьем.
Все ярче в сумраке густом
Нежданно вспыхивает сполох.
И вскоре весь огромный дом,
Как пароход, в огнях веселых!
...Когда я вижу свет в окне
Хотя б от лампочки настольной,
Я ночью
Думаю о дне,
О жизни думаю невольно.

ГОДЫ. ГОДЫ...

Годы, годы. Ах, как они мчатся —
Только гром, только ветер и дым...
Вот уже и морщинки лучатся.
А давно ли я был молодым?
Далеко, далеко уже где-то
Вся в воронках, в пыли колея,
Где прошла, в гимнастерку одета.
Ясноглазая юность моя.
И уже забываются лица
Забайкальцев, минчан, москвичей,
С кем в окопах пришлось мне ютиться
Много жарких бессонных ночей.
Лица смутны.. Но зримо другое.
Время это вовек не сотрет:
Как, оглохнув от грохота боя,
Мы бежали по полю вперед.
А навстречу — огонь пулемета.
Нет надежды остаться живым.
До чего умирать неохота
Жизнелюбам, бойцам молодым!

Но какая-то гордая сила
За решающий миг до конца
Над землей, над собой возносила
И на подвиг бросала юнца!..
А теперь, распрямившись устало,
Это он после трудных путей
В мирном сквере глядит с пьедестала
На играющих рядом детей.

ЗА ЧЕРТОЙ...

Нужна какая-то черта,
Итог какой-то нужен,
Чтоб проявилась красота
Того, с кем годы дружен.
Пока ты рядом с ним идешь
Среди лучей и тучек,
Он и не плох и не хорош,
А вроде так — попутчик.
Не придаешь делам, словам
Особого значенья.
Порою даже скучно вам
От частого общенья.
Расстались — что тут горевать,
Проходят дни в надежде,
Что скоро встретитесь опять,
Все будет так, как прежде.
...Но вот не стало вдруг его,
И горю нет названья.
Не будет больше ничего —
Ни встреч, ни расставанья.
И видишь ты, простясь навек

Под горькой горя ношей,
Какой же этот человек —
Был славный и хороший!
Что раньше было трын-трава,
Сегодня сердцу свято.
Припоминаешь все слова,
Что он сказал когда-то.
Не можешь сам себе простить,
Раскаясь запоздало,
Что не умел его ценить —
Чего-то не хватало.
А не хватало одного —
Внимания простого,
Чтоб разглядеть его
Всего,
Привычного, живого.

РОМАНТИКАМ

Снова мысленным взором
Обращаюсь туда,
Где звенит по озерам
Голубая вода.
Где листвы переплески,
Как ребяческий смех.
Где в пути на «железки»
Жмет шофер без помех.
Снова, снова пройтись бы
Мне по улице той,
Где задумались избы
Под луной золотой.
Там такое раздолье,
Тишина, благодать —
Только небо да поле
Из окошка видать.
Может быть, колокольцы
Там бренчат по ночам...
Я, друзья-комсомольцы,
Не привычен к речам.
Но не зря, как когда-то,

О селе говорю —
Полюбите, ребята,
Над полями зарю
Полюбите просторы,
Где теперь — ни межи,
Где рокочут моторы
По-над волнами ржи,
Где вонзаются вилы
В бок копешек тугих...
Ждет село вашей силы,
Ваших рук молодых!

МНОГО ИХ...

Много их, кто не дошел до цели,
Не доделал стих, не кончил спор...
Этих уложили на дуэли
Беспощадно и почти в упор.
На того накинута чохотка,
Унесла во тьму из милых мест
А на этом ржавая решетка
Навсегда поставила свой крест.
Ну, а тот, казавшийся счастливым,
Больше всех которого люблю,
Оглушен отчаянья порывом,
Приготовил сам себе петлю...
Пусть не всё, о чем они мечтали,
Удалось им сделать на земле.
Но и то, что люди эти дали, —
Словно луч, сияющий во мгле.
А насколько были б мы богаче,
Как вокруг убавилось бы зла,
Если бы случилось все иначе —
Если б жизнь их долгою была!..

К бронзовым фигурам одиноким
Мы цветы приносим. И грустим.
Принести бы их в иные сроки,
Подарить не мертвым, а живым!

ОСЕНЬ

Можно долго валяться в постели,
Но, как водится, в восемь утра
На ногах он без видимой цели,
Будто вновь на работу пора.

Покосился на численник хмуро,
Вырвал листик, на кухню прошел,
Закурил и согнулся понуро,
Опираясь локтями о стол.

Позади — хороводы, веснянки,
Сенокосы, свистящий фугас...
Словно вдруг на глухом полустанке
Оказался неожиданно сейчас.

И не знаешь, зачем ты приехал
С чемоданом своим на весу.
От ушедшего поезда эхо
Тает, тает в осеннем лесу...

ЗАРЯ В ГОРОДЕ

В пролете сумеречной улицы,
Домами пестрыми зажат,
Так непривычно робко щурится
Весенний дымчатый закат.
Ему б раскинуться раскованно,
Но даль с гуденьем проводов
На горизонте заштрихована
Густою сеткою садов.
Не до красы минутной городу.
Он трудно занят сам собой.
Расправив ветром дыма бороду,
Пронзает облако трубой.
И окна — синие глаза его —
Устремлены не на закат,
А на взлохмаченные зарева,
Что над заводами горят.
Но краски неба все безмернее
Струят сияние тепла,
И вот уже заря вечерняя
Потоком окна залила!

И замер город на мгновение
На грани чуткой темноты,
В себе увидев отражение
Земной победной красоты.
Теперь они уж не расстанутся:
Когда зажгутся фонари.
В их свете отблески останутся
Угасшей медленно зари.

В ГОСТЯХ У ДЕТСТВА

Это многим, наверно, знакомо:
Прилетев на больших скоростях,
И стою у родимого дома,
У далекого детства в гостях.
Те же ставенки, если взглядеться,
Воале домика та ж лебеда,
Хоть, быть может, к шестому владельцу
Перешел он за эти года.
Без меня здесь был тополь посажен,
Молодою листвою откипел.
И теперь, многодумен и важен,
Он состариться даже успел.
Но окошки с дремотою сладкой
На закате июньского дня
Не блеснули веселой догадкой —
Равнодушно глядят на меня.
Все бывшее — сегодня со мною.
Я вернулся в минувшие дни.
Вновь звучат за моею спиною
Голоса поредевшей родни.

Вижу смутно дороги и тропы,
По которым когда-то прошел.
Там кресты «мессершмиттов», окопы
И костры догорающих сел...
Как во сне, я берусь за колечко
На калитке, что сникла совсем.
Вот ступил на чужое крылечко,
Постучал неизвестно зачем.
Словно после крутого подъема,
Глубоко и неровно дышу.
Что скажу я хозяину дома
И о чем я его попрошу?..
Нет, не жду под небесною синькой,
Что разлуки растопится лед,
Что, назвав по-старинному Минькой,
Голос мамы меня позовет.
По-иному года не расставить.
Не такое у мамы жилье —
Сколько лет собираюсь поправить
Дорогую могилку ее...
Где-то звук отдаленного грома,
Словно в детстве, за дальней межей
Я приехал домой — и не дома.
Все чужое. И сам я чужой.
Ни к чему заходить мне к соседу,
Объяснять да с расспросами лезть...
Завтра утром я снова уеду.
Только сердце останется здесь.

* * *

Был молод — ловко на баяне
Без нот, по памяти играл,
И многим виделся заране
Его концерт, притихший зал...
К холсту он кистью прикасался —
Писал легко. И потому
Неоспоримым факт казался,
Что быть художником ему.
А был от звуков, красок свежих
Тлинул куда-то: отвлекись!
Мелькали дни. Все реже, реже
Он трогал клавиши и кисть.
Мечта стиралась скучной былью —
Коровой, визгом поросят...
Покрыты многолетней пылью,
Картины памятью висят.
Немой пейзаж, баян без чувства —
Его душе живой упрек:
Что ж ты, хозяин,
Для искусства
Не отдал все? А мог бы, мог...

Имея, может быть, призванье,
Он не растратил бы свой пыл,
Когда б игру и рисованье
По-настоящему любил!

* * *

Мы сообща слагаем даже строчки,
Идем бок о бок с кем-то до седин.
А умираем все поодиночке,
Со смертью все один мы на один...
Придет к нам радость — делимся с другими,
Нагрянет горе — на люди спешим.
С людьми — не только близкими,
с чужими —

Мы на земле уверенней стоим.
И космонавт в небесном океане,
И водолаз в глубинах под водой —
Они не одиноки в ожиданье
Желанной встречи с солнечной землей.
Не одинок сидящий в одиночке
В тюрьме франкистской.
Свисток глухой бетон
Выстукивает он тире и точки —
С обратом разговаривает он.
Пока живем, любуясь синим маем
Или печальюсь вместе с сентябрем,
Нигде мы одиночества не знаем,
И какую глушь порой ни забредем.

...Ловлю в ночи ветров и снега смуту,
А вижу полдень, радуги венки.
Я с целым миром каждую минуту!
Лишь в час последний буду одинок...

* * *

Нет мысли, думы, чувства ли такого,
Чтоб не сумело выразить их слово.
Но иногда в задумчивой тиши
Молчание — как громкий крик души.

Вот дом. Крыльцо.
Окно с поблекшей рамой...
В последний раз я виделся тут с мамой.
Уже моя в сединах голова..
Ах, как мертвы, никчемны все слова!..

ЗАВИСТЬ

У зависти не крылья, а сучки.
Они не для полета наготове:
От ярости бессильной и тоски
Хозяина царапают до крови.

Опыт жизни — горный перевал,
На котором с грустью и тревогой
Не один под старость горевал
Оттого, что шел не той дорогой.

Он был общителен и весел.
Но вот он занял видный пост.
И, видно, сразу это взвесил
И стал солиден и не прост.
И как с ним стало неуютно!
Зайдешь по дружбе в кабинет,
Хватает трубку поминутно,
А для тебя минуты нет.
Отдав свои распоряженья,
Уткнется в ворохи бумаг.
Такое, дескать, положенье —
Я занят, некогда никак.
Сидишь, и так тебе неловко
За пыль в глаза, за хвастовство.
Ведь знаешь: поза и рисовка —
Вся это занятость его.
Ты для него, как всякий прочий.
Ты, дескать, пишешь что-то там,
А я делами тут ворочай,
И... ни к чему встречаться нам.

Мол, я на самом гребне века,
Тебе я нынче не чета..

Верните людям человека!
Снимите с этого поста!

* * *

*Моей жене и подруге
Марии Ивановне*

Ты в первый раз уехала далеко,
Туда, где в море вольно кораблю,
И как мне стало грустно, одиноко,
И как тебя сегодня я люблю!
Припоминаю мелочи, детали,
И всё, о чем мечтали в тишине,
Какие книги вместе прочитали,
Что в день рожденья ты дарила мне.
Нет и следа от вздорного, плохого,
Осталось лишь хорошее со мной —
Твоя улыбка, ласковое слово,
И добрый взгляд, и голос твой родной.
Со стороны как будто я увидел
Обоих нас. И злюсь я на себя,
Что вот тогда-то я тебя обидел,
Что говорил с тобой, в сердцах грубя.
Припомнив все успехи, неудачи,
Что нас сроднить успели за года,

Хочу, чтоб лучше было все, иначе,
Чтоб ссор, обид не знать нам никогда.
Ведь даже просто маленькая стычка
Проводит в жизни черную межу...
Пускай считают, что любовь —

привычка

Хорошая привычка, я скажу!

Уже давно он признан нами
Как мастер дела своего,
А все, бывает, временами
Грызут сомнения его:

А так ли сделана работа,
Чтоб показать ее на свет,
А может, лишнее в ней что-то,
А может, в ней чего-то нет?..

И вечно это беспокойство,
Стремленье заново дерзать.
Знать, таково таланта свойство —
Все переделывать опять...

Зори весен со мною,
Просыпаюсь — смотрю.
А какой-то весною
Не встречать мне зарю.

Славлю пору расцвета,
Солнце жаркого дня.
А какое-то лето
Расцветет без меня.

Славлю осени просинь,
Желтизну на лугу.
А какую-то осень
Я воспеть не смогу.

Славлю звонкий зазимок,
Белизны благодать.
А каких-то снежинок
Не смогу увидеть.

Грустно думать об этом.
В край ночной, далеко
И зимою, и летом
Уходить нелегко....

Не удивлять, а удивляться
Я в этот светлый мир пришел,
Где цвет черемух и акаций
И в блеске дня жужжанье пчел.

Спешу ли я навстречу маю,
Иду ль навстречу сентябрю —
Все время что-то открываю
И вдохновением горю.

Моим открытьям нет предела.
Дивлюсь, живя среди людей,
И красоте лица и тела,
И высоте людских идей.

Всей жизни — бурной, многоликой, —
По-детски радуюсь, дивлюсь.
И этой радостью великой
Я с вами дружески делюсь.

Чтоб в серебре метельной пыли
И в звоне вешнего ручья
Вы так же крепко полюбили
Наш краткий праздник бытия.

РЕКА

Александрю Пинаеву

...Бывало, скроет до плечей,
Едва ты с берега соступишь,
А нынче — узенький ручей,
Где донный камень кажет кукиш.
Так мало стало в ней воды,
Что даже голос потеряла:
Уж не поет на все лады,
Течет неслышно, тихо, вяло.
Да, незавидное житье.
Была река, звалась Барзасом,
И вот — как не было ее.
Не заблудился ли я часом?..
Но, без особого труда
Сдвигая каменную грудю,
Вдруг мощно хлынула вода
Через открытую запруду!
Река привольно разлилась,
Как в половодье, в полдень вешний.
И обрела былую власть,

И обрела свой голос прежний!
...Не торопитесь хоронить
Поэта, коль молчит подолгу.
Не перестал он жизнь любить,
Молчит по внутреннему долгу.
Он силы копит в тишине,
Распределяет их умело,
Чтоб на высокой на волне
Его поэзия взлетела!

РОДСТВО ДУШ

Владимиру Измайлову

Это мненье, мы знаем, не ново:
Дескать, скучно бывает,
Когда
Понимаем друг друга без слова
И сближаемся мы без труда.
Дескать, лучше стократ, интересней,
Коль несхожие люди сошлись —
Чтобы разные думы и песни,
Чтобы разные взгляды на жизнь.
Но тружусь я с надеждой одною,
Одного утешенья ищу:
Должен кто-нибудь вместе со мною
Загрустить, если я загрущу.
Не хочу недоверьем обидеть
Тех, с кем радость работы дело:
Должен кто-то любить, ненавидеть
То, что я ненавижу, люблю.
Должен кто-то моими глазами
Видеть мир, окружающий нас, —

Облака над полями, лесами
И веселого дождика пляс,
И небесной дуги самоцветы
В зеркалах успокоенных луж...
Для кого бы творили поэты,
Если б не было родственных душ?

Виктору Балнову

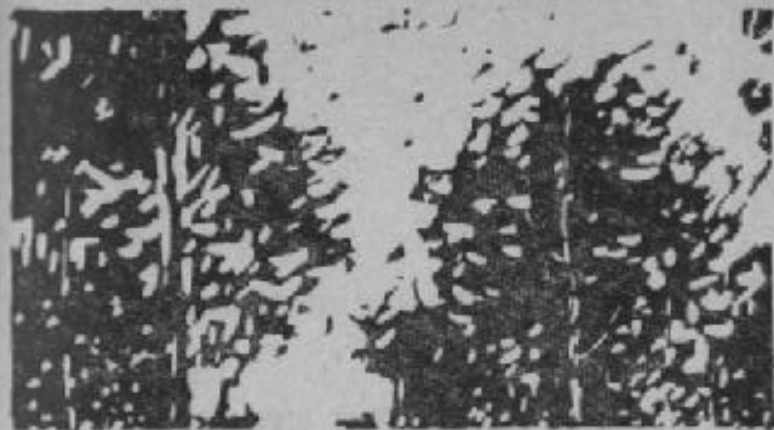
Есть у меня поэт любимый,
Не из маститых — молодых.
Ах, как мне мил неповторимый
Настрой стихов его простых!
Чужды красоты и лоску,
Они живут. Читаешь их —
И словно смотришь на березку
Среди колосьев золотых.
Иные рифмой щеголяют,
Выводят образов шитье,
А он читателям вверяет
Лишь сокровенное свое.
Он не повысит голос гневно,
Не вдастся в книжный колорит,
А очень тихо, задушевно
О пережитом говорит.
Душой подсказанное слово
Гранит шлифует не спеша.

И повторить хочу я снова,
Что суть поэзии — душа.
...Вот, симпатичен, ладно скроен,
Сидит он рядом за столом
И, как всегда, застенчив, скромн.
О чем-то думает своим.
Хоть улыбается от шуток,
Но не скрывает, что устал:
В ночную смену он полсуток
На паровозе простоял.
Вы только чуткость проявите, —
И он тотчас же в мире строк.
— Ну, что есть новенького, Витя?
— Да написал один стишок...
Гляжу на строчки, чуть косые,
Что скромно названы стишком —
И говорит со мной Россия
Добротным русским языком

ВСТРЕЧА С ПОЭТОМ

Целый час стихи звучали в зале.
Знал поэт все строчки наизусть
Про свои заботы и печали,
Про свою любовь, тоску и грусть.
Он читал не серенькое чтиво,
Было чувство в строчках, лад и склад.
Слушали подчеркнуто учтиво,
Как обычно слушают доклад.
Кончил автор с поднятой рукою.
И раздался голос между тем:
— Почитайте что-нибудь такое,
Чтобы интересно было всем!
Велика растерянность поэта.
Мол, чего вам надо, не пойму.
Мол, прочел немало. Разве это
Интересно мне лишь одному?
Видно, не достиг он нужной цели,
Рассказав о собственной судьбе...
Так и не поняв, чего хотели,
Он продолжил чтение... о себе.

И хотя в стихах была лиричность,
Провожали с явным холодком.
Видно, просто авторская личность
Не нашла симпатии ни в ком.
Почему да как — гадать не будем,
Только вывод сделаем один:
Можешь о себе поведать людям,
Если ты душою гражданин.
Если ж нет — помедли со строкою,
С мелочами комнатных проблем.
Расскажи нам что-нибудь другое,
Чтобы интересно было всем.

ЗИМУ УВОЗЯТ...

Зиме, по всем приметам судя,
Уйти не хочется самой.
И потому решили люди
Не церемониться с зимой.

Вот, заурчав на повороте,
Увозит грузный самосвал
Метелей белые лохмотья,
Что крепкий холод спрессовал

В поля, к белеющему лугу,
Под беспощадный яркий свет
Увозит зимнюю дорогу,
Где отпечатан милый след...

В НАЧАЛЕ ВЕСНЫ

Есть зимы обаяние в марте!..
Я люблю наблюдать поутру,
Как снежинки в веселом азарте
Хороводить начнут на ветру.

В бестолковом круженье, порханье,
Застилающем в далих зарю,
Снова зимнее слышу дыханье,
Возвращаюсь в мечтах к январю.

И хотя мне весенняя нежность
Свет и радость уже принесла,
Но и эта прощальная снежность
По-особому как-то мила.

Покрывает дома, огороды
Легкий пух, что летит с высоты..
День — как женщина в зрелые годы
Со следами былой красоты.

МАЙСКИЙ СНЕГ

Старый снег, слоистый, темно-серый
Ручейками смывает, сошел навек.
Вдруг на крыши, на дороги, скверы
Выпал белый-белый майский снег.

Заявился с холодом и с ветром,
Но своею чистой белизной
Он о чем-то праздничном и светлом
Молча разговаривал с весной.

А когда сошел он без помарок,
Увидали мы сквозь синеву,
Будто неожиданный подарок,
Молодую сочную траву!

И как будто не было отсрочки,
Вновь лучи сиянье миру шлют.
А на ветках выстрелили почки,
Словно маю отдали салют!

СОЛНЦЕ—РЯДОМ

Опять слепящее светило,
Увидев утром, что встаю,
На подоконник положило
Ладонь горячую свою.
Я прикасаюсь к той ладони,
В пожатье чувствую тепло.
Эй, лежебоки и засони,
Вставайте! Солнышко взошло!
Как это в жизни много значит —
Живи хотя бы в шалаше, —
Чтоб новый день был солнцем начат,
Трудом, который по душе...
Уже заря горит над садом,
Но в сердце так же, как и днем,
Не гаснет чувство: солнце — рядом,
На подоконнике моем.
И чувство то почти что зримо,
Я не хочу расстаться с ним.
Оно — как беглый взгляд любимой,
Что долго в памяти храним.

РЫБАЛКА

Я забыл привычек, может, тыщу,
Но одной вовек не изменить —
С вечера еще я к удилицу
Привязал капроновую нить.
И спешу я к речке, встав пораньше.
Вот уже румянится восток.
С набережья пихты-великанши
Смотрят на спокойный поплавок.
За спиною солнце тихо встало
И как будто голос подает:
Дескать, рыбы много или мало?
Как оно — клюет иль не клюет?
Вот уже укоротились тени,
Раскалился зноем летний день.
Дрогнет поплавок в журчливой пене,
И опять покой, дремота, лень.
И хотя я просидел задаром
Весь остаток выходного дня,
Золотистым ласковым загаром
Наградило солнышко меня.

А когда во мраке скрылись дали,
Так светло сиявшие в лучах,
Мне приснился сон на сеновале,
Что держу я солнце на плечах...

АВГУСТ

Август — праздничного облика:
У него на голове
Белизна папахи-облака
В яркой, сочной синеве.

Он звенит дождями в жёлобе.
Он закатом свеж, здоров.
У него в заплечном коробе
Не сочтешь земных даров.

Но ночами зябнут зяблики:
Ветки в инее висят.
Звезды крупные, как яблоки,
Небо стряхивает в сад.

И, чтоб с летом расставание
Было радостно, светло,
В полдень август на прощание
Не скупится на тепло.

Стараясь лето нам продлить,
Цветы на нас глядят с приветом.
И потому не рвется нить,
Что сердце связывает с летом!

ОСЕННИЕ ЦВЕТЫ

Над желтым садом, над рекой
Льет дождик — нудно, беспрестанно.
И вся природа в день такой,
Как взгляд печальный Левитана.

Ржавеют листья и трава.
Но, не подвластные ненастью,
Цветы, неяркие сперва,
Вдруг расцвели, как чье-то счастье.

В аллее мокрой и пустой,
Где тополей шумят вершины,
Наполнив душу теплотой,
Пылают астры, георгины.

Они задумались, грустят
С промозглым ветром в поединке.
На лепестках у них дрожат,
Как слезы радости, дождинки.

ТУМАН

Ох, сколько нынче за ночь натекло
На улицы холодного тумана —
Как будто запотевшее стекло
Перед тобою поднято неожиданно.
Вот рядом контур каменной стены,
Бесцветный тополь стынет невесомо.
А дальше что? Лишь зыбкость пелены,
В которой все так скрытно, незнакомо.
Вокруг, в непроницаемости той,
Моторов глуховатое гуденье.
Людей фигуры, видные порой,
Проходят, как слепые привиденья.
И осторожно, убавляя ход,
Почти на ощупь движутся машины.
Свет сильных фар тумана не пробьет —
Двух огоньков лишь теплятся рубины
И ты придавлен как-то, угнетен —
Выхватывает взор одни детали...
Как хочется опять со всех сторон
Увидеть даль и солнце в синей дали,

Чтоб твердо знал, куда ли ты идешь,
Простор перед тобой или преграда..
Туман всегда — как вкрадчивая ложь,
Скрывающая то, что людям надо.

ПИСЬМО ОТ ОСЕНИ

Ветерок в круженье хлопотливом,
Разорвав тумана волокно,
Золотой, с оранжевым отливом
Лист кленовый бросил мне в окно.
Это осень, осень золотая
Прислала мне письмецо свое!
И держу я листик тот, читая
Дорогую весточку ее...
Пишет осень: лето проводила
По еще зеленому ковру,
И тотчас за парты усадила
До весны далекой детвору.
Чтобы стало праздничнее в классе,
Ребятишкам осень отдала
Все тепло, какое есть в запасе,
Что на этот случай сберегла.
А сама неяркой поздней зорькой —
На поля, где колкое жнивье.
Поскорей управиться с уборкой —
Вот забота главная ее.
Незнакомо осени безделье —
Подвести под крышу дом сумей,

Чтоб смогло отметить новоселье
В этом доме множество семей.
Потому команда «Майна!», «Вира!»
Раздается звонко допоздна
Там, где будет новая квартира,
Где бокал поднимут: «Пьем до дна!»
Во дворе сгребает осень стружки —
Здесь шуршал рубанок летним днем.
Промывает гулкие кадушки
И хрустит капустным кочаном.
Чтобы в стужу в горнице оставить
Русской печки радостный нагрев,
Надо нам вторые рамы вставить,
Стекла их до блеска протерев.
А еще — по веточке рябины
Положить на вату между рам.
Пусть пылают ягоды-рубины
В зимний день, распахнутый ветрам!..
А пока — пустынные дороги
Вдаль зовут, просторы полюбя,
Где березы шепчутся в тревоге
С очень длинной тенью от себя.
Тихий шорох слышен под ногами
На раздумья грустные в ответ,
Да скользящий низко над лугами
Чуть ласкает щеки нежный свет.
От него, как искры от кресала,
Бусы рос сверкают под кустом...

Вот о чем мне осень написала
На листе кленовом золотом.

ЕСТЬ У НАС В ТЯЖИНЕ...

Шуточное

Есть у нас в Тяжине
Девушка хорошая.
Запоет в тишине —
Все дела заброшу я.

И зимой, и весной,
И порою жаркою
Я хожу сам не свой
Следом за дояркою.

Всем понятно вполне,
Что любовь — не шалости.
Почему же ко мне
У нее нет жалости?

В моем сердце гроза,
Сердце разрывается,
А она, егоза,
Смехом заливается.

Ей важнее житье
Да бытие совхозное,
А любовь для нее —
Дело несерьезное.

Ох, и пламя в груди
Разожгла красавица!
Хоть в дояры иди,
Чтобы ей понравиться!

ОБОРОТЕНЬ

Медовые речи
При встрече,
И деготь сплошной —
За спиной.

ЭСТРАДА НЕ ПРЕГРАДА

Сатирик... Он с отменной хваткой
Клеймит, к примеру, тех, кто пьян,
Сам на часы глядит украдкой:
Не опоздать бы в ресторан!

БЛАГОРАЗУМНЫЙ

- Мою статью заметили в газете?
- Заметил, как же. Вредная статья!
- Прошу учесть, я не держу в секрете:
Писал ее помощник мой, не я.

ИЗДЕЛЬЯ ПРОМАРТЕЛИ

Куклы — как старушки,
Корабли — что доски...
Продавцу — игрушки,
Ребятишкам — слезки.

ТВОРЧЕСТВО И ХАЛТУРА

— Что удрала со мной Татьяна! —
В восторге Пушкин восклицал.
Теперь подчас герой романа
Вопит: — Что автор-то удрал!

ПРИМЕТА

Есть у бездельников одна
Пилюлька с позолотою,
Всем преподносится она:
— Как много я работаю!

ФЛЮГЕР

Стих ветер. Флюгер вмиг увял
Ужасное явление!
Вдруг обвинят, что потерял
Он ветра направление?

СЛЫШАЛА ЗВОН

Услышав слово «фильтровать»,
Одна особа восклицала:
— Ни в двадцать пять,
ни в тридцать пять —
Я никогда не флиртовала!

СО СВОЕЙ БОРОЗДЫ

Брезгливо морщась в борозде,
Ботва — невзрачное мочала —
На мир презрительно ворчала:
— Как грязно, сумрачно веде!

МАГИЯ БУМАГИ

Беда не в том, что приобрел
Диплом какой-то там Осел,
А в том, что, глядя на диплом,
Уж не зовут осла ослом.

ПУСТОБРЕХ

Прибыл с лекцией в колхоз
Некий дядя — и понес:
— В смысле диалектики,
Нормативной этики
Сей вопрос, как таковой,
Будет базой силовой
Для стабилизации
И консолидации
Всей кооперации...
Помолчал, вздохнул, затем
Бросил строго: — Ясно? Всем?

Не стерпел какой-то дед,
В том же духе дал ответ:

— Видишь... Так-то оно так,
И не как-то либо как.
Ну, а что касательно,
То не обязательно.
Хоть и применительно,
Страсть обременительно.

В общем, относительно
Мало нам полезно.
Да... Оно бы и не надо,
Ни к чему, а доведись —
Завсегда, конечно, рады..
Ясно молвил я, кажись?

Часто лекции неплохи,
Жаль — их портят пустобрехи.

О СЕБЕ

Родился я 5 октября 1921 года в Гурьевске Кемеровской области. Отец мой, Александр Алексеевич, был бухгалтером-счетоводом на металлургическом заводе. О нем помню только, что это был очень высокий и очень плечистый человек с добрыми глазами. Умер он, как говорят, в одночасье, поехав зимой в лес за дровами. Это случилось, когда мне не было и пяти лет.

Волыная тяжесть свалилась на плечи моей матери Клавдии Степановны. Кроме меня, самого меньшого, при ней было еще двое несовершеннолетних ребятшек, и прокормить, одеть нас домохозяйке-матери было нелегко. Нужда была настолько безысходной, что я иногда неделями не ходил в школу: не было обуви.

Житейские невзгоды скрашивались дружбой в семье, добротой и лаской матери. Малограмотная женщина, она между тем обладала незаурядным умом, хорошо чувствовала живое поэтическое слово, знала наизусть много стихов (особенно Некрасова и Кольцова). Ее речь была насыщена пословицами и поговорками, и некоторые

соседки даже побаивались ее острого языка. Думаю, что любовь к литературе и в частности к поэзии была привита мне именно ею, моей матерью.

Писать стихи я начал в детстве. Первое мое «произведение» родилось так: прочитал я стихотворение Некрасова «Орина, мать солдатская» и переложил его на свой лад, своими словами. Искверкал Некрасова, конечно, безбожно, но неудачным свой опыт не признал, очень гордился им в душе. Любовь к поэзии долгое время уживалась у меня с влечением к рисованию. Копии с различных картинок я делал довольно успешно: на школьных выставках они занимали не последнее место.

В 1937 году семья переехала в Кемерово. Вскоре я вынужден был оставить учение и начать самостоятельный трудовой путь в инвентаризационном бюро, техником-инвентаризатором. Мой старший брат и сестра к этому времени обзавелись семьями, и кормильцем матери стал ее меньшой сын.

В апреле 1941 года меня призвали в армию, а в июне вспыхнула Великая Отечественная война. Вначале я был рядовым красноармейцем, потом — весной 1943 г. — попал на трехмесячные курсы в военное училище, откуда вышел в звании младшего лейтенанта. Участвовал в боях в Смоленской и Ворошиловградской областях. Осенью этого же, 1943 года был демобилизован по ранению и вернулся в Кемерово.

За время службы в армии я написал меньше десятка стихотворений. Говоря откровенно, за-

видую тем поэтам, которые даже в боевой обстановке, в самых не подходящих для творчества условиях, продолжали творить. И на фронте, и в первое время по возвращении домой я совсем не помышлял о том, что когда-нибудь литература станет моей профессией, стихотворством занимался по-дилетантски, между делом. Началом серьезной творческой работы считаю 1945 год, когда мои стихи стали частенько появляться в областной газете «Кузбасс». Так что сборник «Майский снег» является в какой-то мере юбилейным.

После армии первое время работал военрукком, культмассовиком, затем был приглашен в редакцию газеты «Кузбасс» на должность литсотрудника. Был также корреспондентом радио и редактором отдела художественной литературы в Кемеровском книжном издательстве.

В 1952 году вышел первый мой стихотворный сборник «Солнечные дни». Затем были изданы книги стихов: «На берегах Томи» (1953 г.), «Юным друзьям» (1957 г.), «Моим землякам» (1958 г.), «Лирика» (1961 г.), «Родные проселки» (1963 г.). В 1962 году принят в члены Союза писателей СССР.

Мой любимый современный поэт — Александр Твардовский. Считаю его своим учителем.

Михаил Небогатое.

СОДЕРЖАНИЕ

Для людей	5
«Большое уменье...»	7
«Я очень завидую звездам!»	8
Зимнее утро	10
Неудачи	11
Я привез...	13
Берега	15
«Годов последних добрая примета...»	16
Неповторимость	17
Огни	19
Годы, годы...	20
За чертой...	22
Романтикам	24
Много их...	26
Осень	28
Заря в городе	29
В гостях у детства	31
«Был молод — ловко на банне...»	33
«Мы сообща слыгаем даже строчки...»	35
«Нет мысли, думы, чувства ли такого...»	37
Зависть	38
«Опыт жизни — горный перевал...»	39
«Он был общителен и весел»	40
«Ты в первый раз уехала далеко...»	42
«Уже давно он признан нами...»	44
«Зори весён со мною...»	45
«Не удивлять, а удивляться...»	47

Река	49
Родство душ	51
«Есть у меня поэт любимый...»	53
Встреча с поэтом	55
Зиму увозят...	57
В начале весны	58
Майский снег	59
Солнце — рядом	60
Рыбалка	61
Август	63
Осенние цветы	64
Туман	66
Письмо от осени	68
Есть у нас в Тяжине	70
Оборотень	72
Эстрада не преграда	73
Благоразумный	74
Иаделья промартели	75
Творчество и халтура	76
Примета	77
Флюгер	78
Слышала звон	79
Со своей борозды	80
Магия бумаги	81
Пустобрех	82
О себе	84

Небогатос Михаил Александрович

«МАЙСКИЙ СНЕГ»

Стихи

Художник А. Гордеев

Общественный редактор В. Байнов

Художественный редактор О. Красова

Технический редактор Г. Рудина

Корректор С. Попова

Сдано в набор 14/XII-1965 г.
Подписано к печати 10/II-1966 г.
Формат 70 X 90^{1/2} дт. Печ. л. 3,22.
Уч.-изд. л. 1,72. Авт. л. 1,64. Оп.00170.
Тираж 10 000 экз. Цена 9 коп.

Советский проспект, 94.
Кемеровское книжное издательство.

Типография «Кузбасс»,
Кемерово, Кузнецкая, 9.

Цена 9 коп.

КЕМЕРОВО
1966